

РАЗГОВОРЫ
С БЕЗДУХОЙ

ПОСЛАНИЯ

Я стал замечать с некоторых пор, что различаю какие-то посылаемые мне знаки. Не могу объяснить, что это за знаки и почему я считаю их знаками, ясно только, что неспроста.

Впервые я задумался об этом во время прогулки за городом. Я набрел тогда на дохлую сороку, которая лежала на траве в своем торжественном черно-белом облачении, приподняв лапу, как будто собиралась еще в последний раз ступить — то ли по земле, то ли по воздуху.

Я остановился над ней, снял кепку, бегом подумал о том, что с ней могло случиться, и пошел дальше, увлеченный потоком других мыслей, в которых не было места птицам. Я уже дошел до другой поляны, когда мне вдруг ударило в голову, что я видел нечто не совсем обычное: припомнилась трава под тельцем сороки. Везде была сочно-зеленая поросль, вокруг же дохлой птицы трава была серебристой, как если бы покрылась изморозью. Словно бы включился морозильный агрегат с целью подольше сохранить на поляне мертвое тело.

Я разом повернул назад, желая проверить свои впечатления, но, сколько ни бродил по поляне, сороки так и не нашел, хотя несколько раз мне казалось, что место найдено — вот оно! — но нет, никаких следов. То ли меня морочили, то ли я сам ни с того ни с сего стал морочить себе голову. Что за дело мне, в конце концов, до издохшего животного — сколько их гибнет в мире ежеминутно!.. Но, с другой стороны, этот иней на майской траве! Или помстилось, не было никакого инея?

Я ничуть не удивился бы, если бы с ветки ближайшего дерева, кося хитрым взглядом, на меня смотрела бы та самая сорока. Но на ветке резвились самым обычным образом белки. Никаких подвохов, никакого шулерства по отношению ко мне никто не затевал. Тем серьезнее, стало быть, знак. Хотя в чем он, знак-то? Да и знак ли? Выбросить к черту из головы!

Я и выбросил, пока не набрел на другие послания, смысла которых я также не сумел разгадать.

Вот еще.

Поляна, поросшая травой, но вся покрытая земляными кучками: кроты сооружают свои подземные коммуникации. Я ступаю осторожно, не хочу измазать обувь липкой глиной. И вдруг прямо под занесенной для совершения следующего шага ногой взрывается кучка, но не просто как маленький и тотчас умолкающий вулкан, а из кратера стремительно вылетает подземный строитель и при этом не слепнет, подобно всем своим собратьям-кротам, на свету. Он видит меня, я это знаю точно: я чувствую, как он меня боится; более того — он внимательно меня *разглядывает*, хотя глаз на его лице я отыскать не могу, лишь еле заметные складочки там, где предполагаются органы зрения. Я медленно, чтобы не потревожить оплошавшего зверька, опускаю ногу и, стараясь больше не шевелиться, смотрю на крота, и мы некоторое время упираемся взглядом друг в друга. Я все еще

не решаюсь двинуться дальше, но мой визави, видимо обдумав проблему, вдруг осмеливается на неслыханную дерзость: он ступает навстречу мне и, совершенно как дружелюбная собака, прижимается к моей ноге и сладко попискивает. Я снова замираю, потом наклоняюсь, глажу бархатный черный комочек и, уже распрямляясь, успеваю заметить сползающую из глазной складочки крота слезу. Он видит и плачет?

Я человек чувствительный и по опыту своему знаю, что в таких случаях, особенно когда животные проявляют как бы человеческие эмоции, я не умею удерживаться от слез. Я полез за носовым платком, но... он мне не понадобился. Я задумчиво уставился сухими глазами на свою ладонь, держащую платок, а когда снова посмотрел на землю, крота уже не было и я мог созерцать лишь глиняную кротовину.

А вот что произошло на острове Сицилия.

Наш автобус ехал на экскурсию к вулкану Этна. Мы уже видели залитые лавой, погибшие и заново прямо на застывшей лаве возрожденные деревни. Гид, говоривший сразу на трех европейских языках и строивший фразу так, чтобы никто не заскучал, пока он произносит непонятные слова, то есть он начинал по-итальянски, незаметно переходил на английский и заканчивал по-немецки, этот гид сообщил нам, что, если кто-нибудь после экскурсии подойдет к нему и скажет: «*Francesco* (имя свое он не повторял, переходя с одного наречия на другое; и я перевожу на русский его слова), Франческо, я был в Неаполе, я видел Везувий, и Везувий тоже красив», Франческо отвернется от этого человека и больше не станет с ним разговаривать, потому что Этна и Везувий *несравнимы*, Этна — *несравненна. Incomparabile, incomparable, unvergleichlich*.

Мы видели дом, целиком сохранившийся, но залитый лавой, и видели другой дом, подойдя к которому на расстояние полуметра поток лавы раздвоился и аккуратнo, чтобы

не задеть стены, обошел дом и потом, через полметра после строения, опять сомкнулся и понесся дальше, сметая все на своем пути. Мы были впечатлены, и никто не осмелился подойти к нашему гиду и сказать ему: «Франческо, я был в Неаполе, я видел Везувий...»

Я подобрал шершавый кусочек лавы, из которой здесь делают сувениры для туристов: пепельницы, бусы, статуэтки, изображающие Бенито Муссолини с по-прежнему мощным («волевым») подбородком.

Мы возвращались другой дорогой, и автобус въехал в цветущую долину, где двое стариков собирали дикорастущий фенхель. Гид рассказывал о роскошных поместьях, построенных в этих местах еще в девятнадцатом веке. В этих домах больше никто не живет, и деревень, некогда располагавшихся вокруг поместий, больше не существует. На поместья никто не претендует, потому что отреставрировать их дороже, чем построить новую богатую виллу. Они стоят заброшенные, но неразграбленные, никем не тронутые, как памятник прежним временам.

— А вот как раз один из таких домов, — сказал Франческо, указывая на дивной красоты строение с распахнутыми дверьми, но неразбитыми окнами.

— *Stop!* — неожиданно для самого себя закричал я и, обращаясь к Франческо, пояснил: — *Resto qui, I'll stay here, Ich bleibe da*, я остаюсь здесь, — для убедительности по-русски.

— *Questo è impossibile*, — отрезал Франческо, — сегодня здесь больше не будет автобусов, только завтра, *domani, tomorrow, Morgen*.

— Я вернусь в отель завтра, — успокоил я его, — я здесь заночую, ночи сейчас теплые.

— *Ma...* — начал было гид, но я уже придерживал водителя за локоть.

Мы недалеко отъехали от соблазнившего меня поместья, и я напрямик отправился к нему. У распахнутой двери

немного потоптался, опасаясь, что на полу лежат засохшие, а может быть, и свежеизготовленные кучи дерьма, как оно бывает в брошенных и уже разграбленных домах. Я заглянул внутрь и почувствовал, словно бы тень напозла на мое лицо. Краски исчезли — все стало черно-белым. Я произвольно оглянулся назад — долина сияла и переливалась всеми своими сочными цветами — зелеными, желтыми, красными. Продолжая смотреть на лужайку, я протянул руку к двери, потому что забыл, что дом не заперт, и как незрелый шагнул в темный проем.

Почти на всех окнах были жалюзи, и переход из залитого солнцем дня в полумрак и впрямь превратил меня на время в слепого. Я остановился у порога, чтобы свыкнуться с освещением. Когда мои глаза восстановили способность различать предметы, я заметил, что свет, проникающий сквозь жалюзи, совсем не солнечный, а скорее лунный — серо-сизый. Что-то еще было необычное с освещением — я не сразу понял, что именно, а когда понял, стал газеть как замороженный. Создавалось впечатление, что свет был впущен в помещение лишь с моим приходом, и он не сразу заполнил комнату, а лишь постепенно просачивался в нее, как если бы вода медленно проникала в полый сосуд через слегка приоткрытый клапан. Сосудов было много, они были сообщающиеся, а клапаны — всюду узкие. Я подошел к той части комнаты, которая уже была освещена, и разрубил луч ладонью — в свете образовался перерыв, и он ничем не восполнился, хотя световые частицы продолжали свою экспансию, несмотря на устроенный мною провал. Устраивая пальцем перерывы света, можно было рисовать по воздуху, и я как сумел нарисовал свой профиль, который завис между полом и потолком, не желая рассеиваться.

Здесь повсюду было чисто, и даже следов пыли не было видно, хотя и человеческое присутствие никак не проявлялось. Пустой дом обычно вызывает чувство печали, а тут, несмотря на

голые стены, было почти уютно. По крепкой лестнице я взобрался на второй этаж и ахнул: прямо напротив меня стоял рояль! Я открыл клавиатуру; справа лежал женский носовой платок. Я осторожно взял его и встряхнул. На нем были вышиты инициалы: *М. М.* Подобно мотыльку из него выпорхнула желтенькая бумажка, подняв которую я разобрал, поднеся к свету, единственное слово: *Addio*. Неужели же никто до моего прихода не выказывал никакого любопытства? Я продолжил свои исследования и полностью раскрыл инструмент, как если бы собирался играть перед полным собранием. Подпирая крышку рояля, я нагнулся, чтобы разобрать надписи на деке, и тут мне в глаза что-то сверкнуло. На одном из колков я нашел перстень с камнем, цвет которого установить затруднился, потому что, подставленный к несильному источнику света, он заискрился сразу всеми цветами, и я почему-то сразу подумал, что это опал.

Что-то подсказывало мне, что оставаться здесь больше не следует. Я завернул перстень в найденный мною платок, закрыл рояль, не прикоснувшись к клавишам, и пошел прочь. Внизу я отпрянул от собственного профиля, так и висевшего посреди комнаты между полом и потолком.

Я выбрался на дорогу, и там совершенно случайно меня подобрал какой-то смуглый сицилиец на раздолбанном «фиате», который молча, без попыток вступить со мной в разговор довез меня до Таормины. Выходя из автомобиля, я попытался найти итальянские слова, чтобы выразить благодарность водителю, но, взглянув на его лицо, понял, что он не слушает меня, потому что его глаза медленно наполнялись тем же светом, который вползал через жалюзи в брошенный дом. Тогда я коротко попрощался, но он и тут не ответил.

— *Addio*, — сказал я еле слышно.

Он очнулся при этом слове и, что-то пробормотав в ответ, резко нажал на газ.

Я подошел к тому месту в Таормине, где фуникулер начинает свой спуск к морю, к *Isola Bella*.

Море смотрело на меня. И горы смотрели на меня. *Castello Molo* смотрел на меня. И море уплывало от меня. И горы отодвигались от меня. И деревья махали мне ветками. Все уходило от меня. Я стоял один — спокойный и один, а они теряли цвет, размеры, объемы, формы, различия, правила, законы, привязанности. Они выходили из себя, волновались, совершали ошибки, а я был равнодушен, и один, и непогрешим.

Я еще хотел было что-то сказать, но передумал, потому что я...

12 мая 2006